

«Время, когда начиналась моя литературная жизнь, обнаруживало и поощряло новые имена и предавало их быстрой и шумной огласке. Кроме общих обстоятельств времени, мне сопутствовала пылкая доброжелательность старших маститых коллег, — говорит о своей литературной молодости Белла Ахмадулина, в свою очередь благожелательно и щедро оценивая стихи молодой поэтессы Веры Зубаревой. — Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающий удачу, но убегающий от суеты, вздора, поспешности. Ее стихи — изъяснение ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве».

Не случайно, говоря о своей творческой судьбе, художник оценивает Время, духовную и нравственную атмосферу его, людей, эту атмосферу творящих, ибо хорошо известно, что конкретное время и конкретные люди играют далеко не последнюю роль в судьбе любой личности, а тем более творческой. Талант может быть взращен, а может быть и задавлен.

Сейчас Вера Зубарева живет в Филадельфии. Там же вышла первая книга ее стихов. Как обойдется с ней сегодняшнее время? Одарит ли «пылкой доброжелательностью старших маститых коллег» или встретит молчанием, поистине гробовым, нередко роковым образом решающим судьбу поэта?

Вера Зубарева щедро наделена поэтическим дарованием. Об этом, несомненно, свидетельствует созданный ею особый, независимый мир, открывающийся каждому при соприкосновении с ее поэзией. Не случайно первый сборник ее стихов носит имя «Аура», ибо вовлекает читателя в сильное энергетическое поле незаурядной личности, общением с которой обогащается и возвышается душа.

Сущностью этого мира является Красота, которая, если уж не спасает мир, то спасает и облагораживает душу. Вера Зубарева способна не только увидеть, ощутить ее магическую силу в окружающем мире природы, вещей, людей, но и самостоятельно сотворить ее, увеличив тем самым силу

Наталья
Васильева

«ГОЛОС СВОЕЙ ЗВЕЗДЫ»

О первой книге стихов Веры Зубаревой

добра в его извечной борьбе со злом, ибо Добро и Красота, безусловно, связаны с ней кровными узами.

В ее стихах обнаруживается сокрытая от обыденного сознания связь всего со всем, лежащая в основе грандиозного замысла Творца, помещившего человека в центр всех взаимосвязей, вручив ему тем самым и нелегкую ношу ответственности за мироздание. Ошущением нерасторжимости этих связей пронизаны стихи, составившие первый раздел книги, который так и назван «Мироздание».

...И легкий жук
струится по песку,
Как полый шарик
с жесткой оболочкой.
Ряд лежаков —
больничную цепочкой,
И острый,
нагоняющий тоску,
Целебный запах водорослей.

Снова
Пришла сюда. И берег
не в сезон —
Как мир
доисторических времен,
Где никого
не посещало Слово,
Где тишиной усилен
каждый звук,
И поле зренья
занимает жук,
Чье шумное сыпуче
старанье,
Должно быть, слышит
На много миль вокруг.

В стихах этого цикла запечатлен процесс творческого освоения, осмысления мира, основанный на внимательном, даже пристальном рассмотрении предметов окружающей действительности, будь то ракушка, апельсин или человеческое ухо. Поэтическая мысль движется от созерцания формы к постижению сути, рождая ряд ассоциаций, определяет внутренние связи, стремится обнаружить место каждой вещи в общей картине мироздания.

Философия дома,
Затаившаяся улитка,
Я знаю, ты там, внутри,
Словно тайнопись

в спирали свитка,
Которую читали
египетские цари.
Самодовлеющая система.
Так небожитель
Неотделим от неба,
как от раковины — ты.

Одновременно с тем ощущение значительности собственного пребывания в мире позволяет максимально сближать большие и малые величины, совмещать микроскоп с микроскопом и видеть, как «...солнце распускается в виске. До переносицы, едва прикроешь веки», пытаться постичь то, что «за сумеречным туманом, Не перестав еще быть тобою, Постепенно становится Океаном».

Уникальным поэтическим опытом в этой связи является стихотворение «Ребенок».

...Изменяемые правила игры!
Ребенок-жемчуг,
скрытый до поры,
Придет прочесть
все тайнописи рода.
Он сам есть ключ
божественного кода.
В чертогах плодоносной
глубины
Он примеряет облики
забытых
Моллюсков, рыб каких-то
первобытных,
Меняя то ли жизни,
то ли сны.

Однако при всем сближении с внешним миром лирической героине Зубаревой абсолютно чужды паниратские отношения с ним. Она остается с миром на «Вы», что обуславливает возвышенный слог и почти благоговейное отношение к Слову.

Одушевление, признание всего сущего равноправным субъектом бытия есть основа метафоры в стихах Веры Зубаревой. Пристальное внимание ко всему окружающему в сочетании с богатым воображением позволяет совершать чудесные, поистине волшебные превращения. Так ветер может явиться «в костюме дерева, расклавываясь чинно», ему

можно «пожать десницу», начав июня заглядывает в комнату «после грозы Под видом виноградной лозы», а

Прежний век
Следит сквозь щель
окаменевших век
Движение воздуха,
Которое не в силах
Развеять муть
В зрачках его унылых.

Великолепная образность авторского поэтического мира является источником эстетического наслаждения для читателя.

Колдовским очарованием наполнена, например, «Поэма о Зиме». Не известно, что может высечь искру вдохновения, какие чувства, до поры сокрытые даже от автора, могут пробудиться вдруг, напомнить ушедшее, связать его с настоящим. «Поэма о Зиме» — пример такого вдохновенного творчества. Не ищите в ней рассуждений и логики: она о каком-то всплеске души, неожиданном и неясном для самого автора. Один образ ведет за собой другой. Кажется, не поэт силой своей фантазии рождает их, а они ведут за собой поэта, завораживают и кружат, приотливно складываясь в узоры.

Колдовское, чародейное начало лежит и в основе ритмической системы этой поэзии. Качающиеся или струящиеся ритмы длинных, часто переходящих из строки в строку периодов, завораживают и увлекают в мир совершенной гармонии. Слова сцепляются между собой причудливо, иногда приотливно, но неизменно точно, обогащая друг друга, играя смысловыми границами.

В других циклах книги — «Женщина», «Сумерки города», «Иней» — соединяются извечные мелодии русской лирики: любовь и смерть, встречи и разлуки, очарование детства, материнство, неумолимость судьбы. Но к чему бы ни прикасалось ее светлое перо, все обретает свое особен-

ное имя, свою неповторимую форму, все приходит в согласие со всем. Гармония, равновесие, сонмерность всех сторон Бытия и Слова — вот, на мой взгляд, главное свойство поэзии Веры Зубаревой.

В ее стихах нет резких звуков и интонаций, ей чужды острые эмоции, вспышки страстей, как и ораторский стиль борца и публициста. Чувство собственного достоинства в сочетании со строгим уважением к миру, окрашенное живой теплотой любви к жизни составляет основу эмоционального содержания ее поэзии.

Вероятно, искушенный знаток русской лирики отметит несомненное родство поэтической манеры Зубаревой с поэзией великой Ахматовой, услышит знакомые ноты Беллы Ахмадулиной, однако, на мой взгляд, эта близость не умаляет достоинств молодой поэтессы. Возможно, здесь имеет место созвучие душ, порождающее и родственность музыки. Более настаивает на сознательная самосородочность автора, утверждение мира собственных ощущений, интерпретаций и фантазий как центральной ценности своего бытия. Не случайна поэтому и сквозящая тема одиночества. Иногда возникает ощущение, что поэтесса вообще пребывает одна в мире неба, моря, гор, ветра, деревьев, раковин и образов, рожденных собственным творческим сознанием. Исключение делается лишь для немногих близких: собственной семьи, неотделимой от образа Дома. Подобный уход от общественного бытия вполне объясним стремлением уберечь суверенность собственной души в обществе, где всякая индивидуальность оказывалась вне закона и высшее назначение человека понималось как способность раствориться в массе. В таком случае поэтическая позиция автора может быть понята как протест следовать стереотипам мышления и поведения, утверждение самоценности индивидуального сознания.

Однако в иных условиях такая позиция таит в себе опасность исчерпанности собственного Я, движения по кругу, утраты новизны восприятия. Правда, последние стихи цикла «Книга скитаний» намечают выход за пределы эгоцентризма, позволяют считать, что поэтический потенциал Веры Зубаревой далеко не исчерпан.

Нельзя не сказать также и о том, что в книге «Аура» мы имеем дело с очень женскими стихами, не в том значении, которое принято вкладывать в это определение, а в смысле торжествующего женского животворящего и умиртворяющего начала, Вечной женственности, когда-то воспетой Блоком. В стихах Веры Зубаревой Вечная женственность обрела дар голоса, в чем состоит их несомненная ценность.

Будучи принципиальным противником каких бы то ни было советов поэтам, тем не менее в заключение хочу указать на необходимость редакторского и корректорского участия в создании сборника, дабы не встречались в книге столь высокого слога некоторые просторечные формы, стилистически никак не обусловленные.